

Глава 15: Олень Укун спасает гэгэ

(Сунь Укун — главный герой романа "Путешествие на Запад", в данном случае имеется дунхуа 1985 года "Царь обезьян побеждает демона", который до этого гг смотрели по телевизору в 11 главе.)

Вскоре процессия вошла в деревню, трубя в рожки и барабаня на всем своем пути, а впереди стояли люди, разбрасывающие конфетти. Конфетти развевалось на ветру, и маленький кусочек приклеился к губам Шэнь Цзицзе. Он не мог протянуть руку, чтобы убрать его, он даже не мог пошевелить уголками губ, чтобы конфетти упало само.

В каждом доме горел свет, но никто не вышел и не выглянул в окно, из-за чего Шэнь Цзицзе так и не выяснил, есть ли в этих домах кто-то.

Процессия остановилась перед ярко освещенным двором. На воротах были развешаны красный шелк и красные фонари. Казалось, что здесь происходит какое-то радостное событие. Барабанщик играл еще какое-то время, после чего остановился, и всё сразу же погрузилось в тишину.

Слишком тихо, во всей деревни не было слышно даже лая собаки, тихо, как в могиле.

"Опустите паланкин..." — прозвучал хриплый, севший голос, и черный деревянный паланкин был опущен на землю.

Дверь паланкина открылась, и женщине в красном платье с красной вуалью помогли выйти, она ступила на красную дорожку у ворот, после чего вошла внутрь, после за ней последовал жених на коне, от начала до конца улыбающийся.

"Поторопись и двигайся, не стой на месте», — снова призвала женщина средних лет, следовавшая за Шэнь Цзицзе.

Шэнь Цзицзе, держа деревянную коробку, вошел во двор вместе с маленькой девочкой. В тот момент, когда он вошел, он был поражен сценой, представшей перед ним.

Во дворе стояло несколько квадратных столов, за каждым столом сидели люди, они полностью заполняли двор, и никто из них не издавал ни звука.

Шэнь Цзицзе медленно шел, но не мог повернуть голову, чтобы посмотреть на людей. Краем глаза он заметил, что все они сидели безучастно, столы были забиты вином и едой, но никто не шевелил палочками для еды и не говорил.

Пройдя через двор и войдя в дом, можно было заметить, что перед залом сидели два бесстрастных старика, худых и изможденных, как два куска старой коры, без единого следа жизненной энергии, неподвижных, как глиняные статуи.

Жених и невеста остановились посреди комнаты, и Шэнь Цзицзе непроизвольно перешел на левую сторону, а девушка, стоявшая рядом с ним — на правую, прямо напротив него, в то время как остальные разошлись во двум сторонам.

Словно почувствовав его взгляд, девушка медленно открыла свой кроваво-красный рот, Шэнь Цзицзе был настолько напуган, что в панике отвел глаза, прежде чем она смогла улыбнуться ему.

"Первый поклон — Небу и Земле..." — громко закричал пронзительный голос церемониймейстера.

Жених и невеста преклонили колени и поклонились.

"Второй поклон — старшим..."

Они вдвоем медленно повернулись и опустились на колени перед двумя стариками, сидевших перед залом.

Шэнь Цзицзе заметил, что движения невесты между вставанием и опусканием на колени не были естественными, выглядело так, как будто ее суставы заржавели, из-за чего, она чувствовала себя скованной. На этот раз, опустившись и поклонившись, жених уже вставал, но она все еще лежала, длинная красная вуаль свисала на землю.

В комнате воцарилась тишина, двое стариков и жених продолжали свои первоначальные движения, и только женщина средних лет, стоявшая рядом с Шэнь Цзицзе, подошла и взяла невесту за руку, чтобы помочь ей подняться.

Хруст.

Шэнь Цзицзе услышал хрустящий звук, исходящий от тела невесты.

Треск, хруст, скрип.

Три хрустящих звука прозвучали одновременно.

Затем он увидел, как голова невесты опустилась, а красная вуаль упала на землю, обнажив ее длинные волосы и сломанную шею.

Ее голова свисала на грудь, и лишь слой плоти не давал ей упасть.

!!!

Тело Шэнь Цзицзе похолодело, и его кровь потекла назад, он хотел закричать и убежать, но его ноги не двигались, он хотел бы повернуть шею, но его шея была словно приварена к плечу из-за чего он не мог пошевелиться даже немного.

Кто-нибудь, разбудите меня? Мама, папа, дядя, придите и разбудите меня! Позвольте мне проснуться, сделать домашнее задание, сходить в ванную и делать все, что я захочу.

Дедушка Цай, Лу Жун, разбудите меня, мне снится кошмар...

Помогите...

Женщина средних лет, поддерживающая невесту, ничуть не удивилась, она только придержала ее голову рукой. Церемониймейстер, стоявший до этого в стороне, вышел, взял горсть вареного риса из миски на столе и вернулся.

Женщина средних лет приподняла голову невесты и зафиксировала так, как было до перелома, а церемониймейстер приложил горсть риса к сломанным костям и разгладил ее пальцами.

Треск, звон, щелк.

Невеста повернула голову, и перелома на ее шее больше не было видно. Женщина средних лет снова подняла красную вуаль и накинула ее на голову невесты.

Шэнь Цзицзе беспомощно наблюдал за этой сценой, и хоть он кричал и ревел в своем сердце, не имел возможности контролировать свое лицо, чтобы изобразить какие-либо эмоции. Его лицо стало немного бледным и потным, а зубы стучали.

"Молодожены, поклонитесь друг другу..." — церемониймейстер вернулся на свое место, чтобы продолжить незаконченную процедуру.

Хе-хе-хе...

"Церемония завершена..."

Хе-хе-хе...

Когда поклонение Небу и Земле закончилось, и жених с невестой ушли в боковую комнату,

женщина средних лет внезапно заговорила: "Передай акт родственникам."

Шэнь Цзицзе не понял, что нужно было сделать, но он понял слово "родственники". Прежде чем он успел об этом подумать, он увидел девушку в другом конце комнаты идущую к старухе, и невольно сам пошел к старику.

У старика были, впавшие в сухую плоть, глаза, освещенные светом над головой, выглядели как две бездонные черные дыры. Шэнь Цзицзе остановился перед ним, держа деревянную коробку, он протянул ее вперед.

Старик не замечал никакого движения с тех пор, как вошел в комнату, не выражал никаких эмоций, и его грудь даже не вздымалась и не опускалась. Как раз в тот момент, когда Шэнь Цзицзе заподозрил, что на самом деле перед ним всего лишь скульптура, старик вдруг протянул руку, а его холодные костяшки пальцев, похожие на куриные лапы, коснулись его тыльной стороны ладони.

Тело Шэнь Цзицзе покрылось потом, и ему захотелось оттолкнуть эту руку. К счастью, старик коснулся его лишь на мгновение, прежде чем взять деревянный ящик и покачать его в руках.

"Родственники, этот сын пойдет с нами и отныне будет сопровождать нас", — молча передав деревянный ящик, церемониймейстер, молчавший до этого, высказался против.

Шэнь Цзицзе видел, как старик с дрожью открывает деревянную коробку и достает желтую бумагу, но из-за расстояния он не смог прочитать слов на бумаге.

Старик некоторое время смотрел на желтую бумагу, а затем снова посмотрел на него, сухо сказа: "Хорошо."

Шэнь Цзицзе внезапно почувствовал, что что-то не так.

Взгляд старика и слова церемониймейстера, о том, что отныне они будут с ними, заставили его почувствовать, что что-то не так, и в его сердце зародилось дурное предчувствие. Держа в руке желтую бумагу, старик с дрожью протянул ее к зажженной свече, явно намереваясь ее сжечь.

Сердце Шэнь Цзицзе бешено колотилось, он подсознательно хотел остановить чужие движения, но не мог поднять руку, поэтому ему пришлось оставаться наблюдателем.

Желтая бумага была все ближе и ближе к пламени свечи, а старик улыбался беззубой улыбкой.

Церемониймейстер и женщина средних лет тоже пристально смотрели, их лица по-прежнему ничего не выражали, но в глазах сквозило леденящее возбуждение.

Бах!

В этот момент закрытые ворота внезапно распахнулись с громким хлопком. Дверь была разбита в щепки и разлетелась в разные стороны, а маленькая белая фигура быстро влетела внутрь.

Лу Жун, как только вошел в деревню почувствовал что-то странное. Если запах дядя Бая за пределами деревни был совсем слабым, то в деревне его вообще невозможно было почувствовать, там был лишь неприятный запах и слабое зловоние.

Этот сон отличался от предыдущих, что заставило его быть бдительным. Он тщательно обыскал деревню на наличие сгустка света, но с удивлением обнаружил, что в деревне есть люди и все они собрались в одном дворе.

Впервые за все года он видел столько людей во сне, за исключением Шэнь Цзицзе прошлой ночью. С сумкой из одежды на шее он подобрался к забору дома, размышляя, стоит ли ему найти укромное место, чтобы превратиться в человека.

Но вскоре он заметил, что что-то было не так, и когда он заглянул в щель в заборе, он увидел людей, сидящих в лунном свете, все они были бестолковыми, неподвижными и молчаливыми, и перед ними стояла еда.

Их лица были сине-черного цвета, на них были признаки разложения, кое-где образовались страшные дыры, обнажая белоснежные кости. Они не были похожи на живых людей.

И эти блюда давно остыли, а на суповой тарелке даже сгустился толстый слой белого масла.

Лу Жун отбросил идею превратиться в человека, поскольку его передние копыта ковыряли землю, а круглые глаза не мигая смотрели в щель стены. Волосы на его теле встали дыбом, а пара напряженно стоячих ушей на голове безостановочно дрожала.

По двору пробежала мышь, она не заметила, что сидящие там, были живыми существами, следуя за ароматом еды, взбираясь по штанине человека, затем забираясь ему на грудь, она бросилась на стол и начала есть еду на тарелках.

Никто не прогонял мышь, все тихо продолжали сидеть с пустыми глазами. Лу Жуну стало еще страшнее, он просто хотел быстрее уйти отсюда. В этот момент зазвучал гонг и сона, доносившийся все ближе и ближе, в конце концов остановившийся возле ворот.

Лу Жун уже собирался уходить, когда увидел знакомое лицо через щель из-за чего от удивления он остановился. Он не понимал, почему Шэнь Цзицзе находится среди этих людей, и почему на нем были красное платье и черный жакет, а лицо, как и у всех, имело два красных пятна на щеках.

Лу Жун нашел его внешность очень забавной, но в сложившейся ситуации он не мог смеяться, Шэнь Цзицзе тоже был напуган, в его глазах читался ужас.

Лу Жун закатил глаза и продолжил смотреть на Шэнь Цзицзе, размышляя.

Когда эти люди и Шэнь Цзицзе вошли в дом, он не смог увидеть его из-за забора, поэтому он бесшумно пробрался к воротам, поджал ягодицы, опустил передние копыта и заглянул в щель под воротами.

Ворота во двор были направлены в сторону дома, и дверь в дом была широко открыта, что позволяло ему хорошо видеть, что происходит внутри. Когда он увидел, что голова невесты вот-вот отвалится, Лу Жун прижал два уха к макушке, а хвостик на ягодицах встал вверх, прямо как палка.

Дедушка... Очень страшно.

Он быстро развернулся и побежал, поднимая и опуская копыта, желая поскорее покинуть деревню, и чем дальше, тем лучше. Но через десять метров, вспомнив дрожащего Шэнь Цзицзе, он нерешительно остановился.

Должно быть что-то не так с людьми, со всеми этими демонами, которые схватили Шэнь Цзицзе.

Это сон, верно? Это должно быть сон, ведь так? И даже если его приготовят и съедят с ним ничего не будет, правда ведь? Когда он проснется, Шэнь Цзицзе все еще будет лежать на кровати.

Но что, если это не сон... Что будет, если его съедят?

Станный запах в воздухе становился все сильнее и сильнее, он был настолько густым, что его невозможно было рассеять, ощущался резкий смрад и запах баранины.

— Это, должно быть, запах демонов.

Люди были такими страшными, наверняка это демоны, и, если он тоже войдет, его тоже могут поймать и приготовить.

Но это его брат... Сегодня он назвал его братом и даже прикрыл его.

Лу Жун настолько сильно был раздосадован, что в раздражении начал крутиться на месте, одновременно копая грязь копытом. Как только он поднял копыто, он вспомнил, что нельзя издавать ни звука, поэтому осторожно опустил его.

Но разве я сам не демон, чего мне бояться?

Уши Лу Жуну дернулись, и словно осознав что-то, он остановился.

Разве Шэнь Цзицзе сам не говорил, что он демон-олень?

Более того, Сунь Укун каждый раз бросался в логово демонов, чтобы спасти своего учителя и старшего брата. Поскольку он и Сунь Укун были в одной банде, он также должен спасти своего брата.

Вступительная песня "Путешествия на запад" эхом отозвалась в его голове, и чувство гордости поднялось из его сердца, все тело Лу Жуну тут же наполнилось силой, и он чувствовал, что никакие демоны ему не страшны.

Он побежал обратно к воротам и остановился, снял ношу с шеи и положил ее рядом с воротами, отступил назад, посмотрел вдаль и продолжил отступать, пока не отошел на несколько метров. Затем он опустил голову, нацелил два своих маленьких серебряных рога на деревянную дверь, слегка согнул передние копыта, а задними оттолкнулся от земли, и влетел внутрь, как пушечное ядро.

Бах!

Под его сильным ударом деревянная дверь стала хрупкой, как бумага, раскалываясь на мелкие куски и разлетаясь. Он решил воспользоваться этой инерцией, поэтому он опустил голову и пронесся вперед по прямой.

Четыре копыта Лу Жуну прорезали полосы тени, Шэнь Цзицзе увидел только мелькнувшее мимо белое пятно, а старик взлетел со стула, ударился о высокую колонну в комнате и с грохотом упал на землю.

В одну секунду старик, державший желтую бумагу, намереваясь сжечь ее, оказался на земле, перед этим ударившись об колонну, подняв пыль с земли, он не проронил ни слова.

Желтая бумага, которую он сжимал в руке, повисла в воздухе, а потом упала в руки Шэнь Цзицзе и тут же исчезла.

Шэнь Цзицзе ошеломленно уставился на старика, увидев, что все его тело медленно съеживается, его и без того худое тело превращается в лист бумаги в форме человека, тело было все еще покрыто свободной черной туникой.

Лу Жуну после столкновения со стариком, быстро развернулся, виляя хвостом, врезался в старуху рядом с ним. Затем он вкинул голову и его маленькие серебряные рога были обращены вверх.

Старуха не успела увернуться, она беспомощно смотрела, как ее ударили с большой силой, затем ее подбросило и подняло в воздух, но она даже не вскрикнула. Она все еще была в воздухе, когда ее одежда падала одна за другой: темно-зеленое атласное платье, заколки для волос, туфли... А за ними последовала бумага в форме человека.

Лу Жун замер, затормаживая четырьмя копытами, думая: "Я действительно Олень Укун."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326844>